

ЖЕНЩИНА И МУЖЧИНА У ИСТОЧНИКА

Посвящается моей жене

Всякая литературная традиция, основывается на устойчивых ассоциациях, на регулярно используемых символах, на повторяющихся типовых сценках. С одной стороны, эта устойчивость, регулярность, повторяемость помогает читателю понимать и предугадывать ход действия, а с другой — дает ему ощущение «привычности»: это «наш» текст, построенный по законам нашей культуры, из знакомых нам кирпичиков. Такие символы, ассоциации, мотивы — это «блуждающие сны»: блуждающие в пределах своей литературной традиции. Для древних литератур этот феномен еще характернее, чем для современных.

Наша культура отделена от библейской эпохи веками и сменами культурных парадигм, поэтому многие элементы ветхозаветной литературной традиции для нас уже непонятны. Что-то потеряно навсегда, что-то может быть реконструировано при внимательном чтении корпуса сохранившихся текстов. Большое внимание типовым сценкам библейской литературы уделяет библеистика последних двух десятилетий — после того, как в начале семидесятых годов она заново открыла для себя Библию не как дополнение к археологии древнего Востока, а как живую литературу.

В сегодняшнем докладе я постараюсь восстановить какие-то ассоциации и типовые мотивы библейской литературы взяв за отправную точку рассказ о встрече Иакова с Рахилью.

Начнем с анализа сцен, непосредственно предшествующих встрече наших героев. Иаков покидает Палестину (землю ханаанскую) и направляется в Месопотамию — в землю сынов Востока. В пространстве Ветхого Завета всякое — почти всякое — перемещение несет в себе определенный символический смысл. Ханаан — земля обетованная. Она определенным образом связана с Яхве — несколькими поколениями раньше Яхве велел Авраму уйти из Месопотамии и в ханаанскую землю. Яхве не разрешал Исааку покидать Палестину. Когда окончится срок пребывания Иакова на чужбине, Яхве велит Иакову вернуться в Ханаан. Раз за разом Яхве обещает Аврааму, Исааку и

Иакову обладание этой землей и процветание на ней. Это — я цитирую — “земля, где текут молоко и мед”.

Тем неожиданнее, что, если внимательно прочесть рассказы о патриархах, обетованная земля не приносит им никакого материального блага, никакого богатства. Все, чем патриархи владеют в книге Бытия, приобретено или приобретается за пределами земли обетованной. Аврам пришел сюда с женой, племянником — и рабами, купленными в Месопотамии. Только пришел — в Ханаане разразился голод и Аврам вынужден уйти в Египет. В Египте он не только спасся от голода, но и разбогател — стал «очень богат — и скотом, и серебром, и золотом». Именно с этим богатством, приобретенном в Египте, Аврам и поселяется в Ханаане. Исаак, сын Авраама, вновь вынужден, из-за угрозы голода, покинуть обетованную землю и уйти в Герар — в Палестине, по прежнему, но за пределами Ханаана. Там он не только спасается от голода, но и «стал настоящим богачом».

Поселившись в той стране, Исаак стал сеять хлеб. Господь благословил его: в тот год урожай у него был стократным. Исаак делался все богаче и богаче. Он стал настоящим богачом: теперь у него были стада овец и коров и многочисленная челядь.

(Быт 26:12-14)

Заметим, что про Ханаан нам нигде не говорится, чтобы на земле, текущей молоком и медом, были урожаи сам-сто.

Иаков, сын Исаака, опять-же вынужден бежать из земли обетованной — правда не из-за голода, а из-за семейного конфликта. И опять-же на чужбине приобретает он все свое богатство — свои стада. С этим богатством он возвращается в землю обетованную.

Сыновья Иакова уйдут из Палестины в Египет из-за страшного семилетнего голода, который поразит всю землю. Там, в Египте, они умножатся числом — семья из семидесяти человек превратится в целый народ — и, после определенных перипетий, — уйдут оттуда «богатыми людьми»: обобрав египтян. Уйдут в землю обетованную.

Раз за разом разыгрывается один и тот же сценарий. Да, Ханаан — земля обетованная, туда надо стремиться, туда Бог велит евреям идти. Но, на деле, это страна скорее невзгод и голода (можно вспомнить еще и книгу Руфь, где

говориться о том, как еврейская семья в голодный год уходит из Палестины на поля Моавитские). Богатства, блага можно приобрести лишь за пределами Палестины.

Поскольку окончательное сложение Пятикнижия приходится, по-видимому, на начало эпохи Второго храма, в этом можно видеть прямое отражение ситуации того времени — богатую еврейскую диаспору (особенно в Месопотамии) и нищую, но обетованную землю Ехуд — Иудею.

Покинув родительское гнездо, Иаков идет в Паддан-Арам, куда, за невестой для Исаака уже ездил поколение назад Авраамов раб.

Вообще, в библейской традиции явно отражен обычай брать невесту извне — из другого места (хотя, нередко, из того же рода). Про Иуду сказано, что он отделился от братьев, поселился рядом с неким Хирой-Адулламитом и там женился. Иосиф женится на чужбине. Моисей — в изгнании. Первый муж Руфи и его брат также женятся на чужбине. Иаков и Исаак женятся на родственницах (т.н. кросс-кузенные браки), но эти родственницы живут в другом месте: за ними надо ехать или посылать специальных послов. Две жены Исава — чужеземки, третья — хотя и родственница (кросс-кузенный брак), но ее нужно привести из чужих краев (это дочь Измаила).

Движение куда-то наружу почти всегда упоминается или подразумевается при описании брака. Характерно описание брака родителей Моисея в Исх 2:1 — “некто из потомков Левия пошел и взял в жены девушку из потомков Левия”. Куда пошел? Все, вроде бы, жили в земле Гошен. Видимо, описание брака непременно должно было включать в себя — на чисто языковом уровне — момент движения куда-то вовне.

Итак, Иаков покинул обетованную землю, неженатый и бедный (с одним лишь украденным отцовским благословением) и ушел на чужбину. В мире топосов библейской литературы это почти предвещает дальнейшее развитие событий: Иаков женится (как Моисей или Иосиф) и разбогатеет (как Авраам, Исаак, или тот же Иосиф).

Он приходит в землю сынов Востока (*бне-кедем*). Это, опять-же значимые слова, с символической нагрузкой. На востоке (*миккедем*) Яхве насадил эдемский сад и поселил там первого человека. К востоку от Эдема поселились люди после изгнания из Эдема. С востока пришли после потопа в страну Шинар

— строить башню. Восток, таким образом, это страна начал. Простая статистика: слова «восток, к востоку» (*кедем, кидмат*) встречаются в первых одиннадцати главах Бытия (т.е. в главах, говорящих о Начале Начал) шесть раз. Другие стороны света не упоминаются ни разу.

Ассоциацию Востока с началом легко понять: край, где восходит Солнце. С Востока — из Месопотамии приходит в Палестину Авраам.

Но восток — это еще и место, куда — назад — уходят проигравшие. На восток отсылает Авраам своих детей от наложниц. На востоке от Палестины поселяются и все остальные потомки семьи Авраама, кроме избранного народа: эдомитяне, моавитяне, аммонитяне. На восток бежит Иаков в нашей истории, — чтобы потом вернуться. На восток — в Месопотамию были переселены и евреи во время плена, чтобы потом, постепенно, несколькими волнами, возвращаться на родину предков.

Таким образом, и с этой точки зрения путь Иакова — отступление на восток, чтобы потом вернуться в обетованную землю, — есть некий сквозной мотив ветхозаветной литературы.

Дойдя до земли сынов Востока, Иаков увидел в поле колодец, а рядом с ним три стада овец (здесь обычно поили скот). Отверстие колодца было закрыто большим камнем: когда собирались все стада, пастухи сдвигали этот камень, поили овец, а потом вновь закрывали колодец... И вот, к колодцу подошла Рахиль, ведя овечье стадо своего отца — она была пастушкой. Увидев ее со стадом, Иаков подошел к колодцу, сдвинул камень и напоил овец. Потом он поцеловал Рахиль и, громко зарыдав, сказал ей, что он родственник ее отца, сын Ревекки. Рахиль побежала передать это отцу.

(Быт 29:2-12)

Колодец — неперемнная в библейском повествовании кулиса для появления невесты. У колодца встречает свою будущую жену Моисей.

Моисей бежал. Он пришел в страну Мидьян и сел наземь у колодца. У мидьянского жреца было семь дочерей. Они как раз подошли к колодцу, чтобы начерпать воды для отцовской отары, но тут пришли местные пастухи и стали гнать их прочь. Моисей встал, защитил девушек от пастухов, а потом напоил их овец.

(Исх 2:15-17)

У колодца Авраамов раб, посланный за невестой для Исаака, впервые видит Ревекку.

Был вечер, когда он остановил своих верблюдов перед городом, у колодца, — час, когда девушки выходят из города за водой. И Авраамов раб сказал:

— О Господь, Бог господина моего Авраама! Ниспошли мне сегодня удачу, не оставь моего господина! Вот, я стою у колодца, куда девушки из города ходят за водой. Я скажу одной из них: «Позволь мне напиться из твоего кувшина». И если она ответит: «Пей. И твоих верблюдов я тоже напою», — значит, ее Ты и избрал в жены для раба Твоего Исаака. Пусть будет это знаком, что Ты не оставил моего господина!

Не успел он вымолвить это, как с кувшином на плече подошла Ревекка, дочь Бетуэла, сына Мильки и Авраамова брата Нахора. Она была очень красива, еще девушка — мужчина еще не познал ее. Она спустилась к колодезю и наполнила кувшин.

(Быт 24:11-16)

С запечатанным колодцем сравнивает невесту жених в Песни Песней:

Запертый сад сестра моя, невеста, заключенный колодец, запечатанный источник... садовый источник, колодезь живых вод, потоки с Ливана.

(Песнь 4:12)

Семантика прозрачна: женщина — жизнь — вода. Вода становится символом физической любви. Наставляя читателя не обольщаться чужими женами, а искать утешения у своей собственной, автор книги притч пишет:

Пей воду из своего колодца, изливающуюся из твоего источника. Пусть не разливаются источники твои по улицам. потоки вод — по площадям... Источник твой да будет благословен — утешайся женой юности твоей... пусть сосцы ее всегда поят тебя...

(Притчи 5:15-19).

Колодец — это несомненно еще и символ женского лона, дающего жизнь. Но в то же время:

Блудница — глубокая пропасть, чужая жена — тесный колодец.

(Притчи 23:27).

Это колодец, ведущий в преисподнюю, и соблазненный не знает, что «мертвецы там, что в глубине преисподней те, кого она зазвала к себе».

Встреча Иуды с Тамарью, интимная сцена, следствием которой станет рождение братьев Переца и Зераха, происходит рядом с городом Энаим, что значит «два глаза» или «два колодца», в местечке Петах-Энаим, что значит «отверзение двух глаз» или «отверзение двух колодцев». Я думаю, это пример языковой игры, столь характерной для еврейской Библии, особенно же для книги Бытия. В результате соития Иуды и Тамари у местечка «отверзение двух колодцев» Тамарь рождает двойню.

Девушка — невеста — обычно появляется на фоне колодца. Когда на сцене замужняя женщина (не вообще, а как объект домогательств мужчины), то ее атрибутом опять же будет вода, но не вода колодца, а вода купальни. Именно в купальне увидел Давид Бат-Шеву, а старцы — Сусанну (в греческом дополнении к книге Даниила).

«Запечатанный колодец» — символ девственности, снятие печати требует труда. Так, в случае Иакова требуется отвалить большой камень, загораживающий устье колодца. Метафора не требует комментария. В случае Моисея, который тоже встречает свою будущую жену у колодца, требуется отогнать пастухов. В случае сватовства Ревекки жених и невеста меняются местами. Подвиг требуется от Ревекки, притом немалый — почти Гераклов: напоить десять верблюдов, каждому из которых, после перехода через пустыню требуется от пяти до десяти ведер воды, а к колодцу — как явствует из текста — надо еще спускаться.

То, что в данном случае жених и невеста меняются местами, видимо связано как-то с тем, что Исаак в библейском повествовании фигура вообще страдательная, пассивная.

Ассоциативная связь женщины и колодца переживет Ветхий завет. Вспомним беседу Иисуса с самарянкой у колодца или, в апокрифах — уточнение места Благовещения: архангел явился Марии у колодца. Этот образ продолжает свою жизнь и в новоевропейской литературе, вспомним встречу доктора Живаго с Ларой.

Доктор увидел Антипову у колодца. Вихрь застиг её с уже набранной водой в обоих ведрах, с коромыслом на левом плече. Она была наскоро повязана косынкой, чтобы не пылить волос, узлом на лоб, «кукушкой», и зажимала коленями подол пузырявшегося капота, чтобы ветер не подымал его. Она двинулась было с водою к дому, но остановилась, удержанная новым порывом

ветра, который сорвал с её головы платок, стал трепать ей волосы и понес платок к дальнему концу забора, ко всё ещё квохтавшим курам. Юрий Андреевич побежал за платком, поднял его и у колодца подал опешившей Антиповой.

Но вернемся к библейскому тексту. Итак, Рахиль была пастушкой. Пастушками были и дочери мидьянского жреца, одна из которых стала женой Моисея. Девушка-пастушка — неординарное явление для Древнего Ближнего Востока. Небезопасное это занятие: можно и овец потерять, и честь. Помимо двух встреч у колодца, женщина-пастушка упоминается в Песни Песней.

— Скажи мне, ты, которого любит душа моя: где пасешь ты? где отдыхаешь в полдень? к чему мне быть скиталицею возле стад товарищей твоих?

— Если ты не знаешь этого, прекраснейшая из женщин, то иди себе по следам овец и паси козлят твоих подле шатров пастушеских.

(Песнь 1:6-7)

Но Песнь песней — это древняя любовная песня, которая отражает не столько реальную жизнь, сколько поэтическую условность.

За пределами Библии аналоги — прежде всего в буколической поэзии. Но в какой мере можем мы приравнять мир буколической поэзии и реальную жизнь античной эпохи? Я подозреваю, что и здесь образ прекрасной пастушки — поэтическая условность. Даже в римское время, относительно стабильное, женщине было небезопасно заниматься таким ремеслом. Мы привыкли к образу прекрасной женщины-пастушки. Чтобы вернуться к прозе жизни, достаточно изменить суффикс: представим себе женщину-пастуха.

Вопрос о наличии каких-то общих корней у античной буколки и у пастушеской образности Песни Песней — интересен, но выходит за рамки настоящего доклада. Для нас сейчас важно другое: по-видимому, то, что Рахиль предстает перед нами как пастушка — опять-же литературный прием, а ее стадо, как и колодец на заднем плане — декорация типовой сентиментальной сцены.

Если и могла в древнем мире появляться — не в поэзии, а в жизни — ситуация, когда женщине приходилось быть пастухом, то это отчаянная

ситуация отсутствия мужчины в семье, т.е. ситуация, которая опять-таки подталкивает к неотложному браку.

Замечательна та легкость, с которой в библейском рассказе Рахиль, бросив своих овец, побежала к отцу рассказывать про приход Иакова.

Означает ли это, что Рахиль бросила своих овец на Иакова? Что она уже решила связать свою судьбу с Иаковом? Или, просто-напросто, после того, как овцы сыграли свою роль символической декорации, не только Рахиль, но и повествователь забыл про них?

Так или иначе, но Иаков становится пастухом у Лавана и служит ему за его дочерей. То же самое произойдет и с Моисеем — я уже отмечал, как поразительно похожи здесь рассказы про Иакова и Моисея. Проходит двадцать лет и настает Иакову пора возвращаться — с женами, детьми, нажитым добром. Такое развитие сюжета, как я уже говорил выше, можно было предугадать с самого начала. Рахиль помогает Иакову обмануть Лавана — уйти тайно, не предупредив о своем уходе — и, больше того, крадет у отца семейных божков. Смысл этого деяния неясен — вероятно, божки должны принести удачу. Так или иначе, но в столкновении мужа с отцом Рахиль становится на сторону мужа и помогает ему обмануть отца. С точки зрения ветхозаветной этики это, как кажется, добродетель.

Вернуться домой Иакову велит ни кто иной, как ангел Бога. Однако на обратном пути — при возвращении в землю обетованную — при переходе через реку Яббок — на Иакова нападает Некто.

Той же ночью Иаков встал, поднял обеих своих жен, обеих наложниц, одиннадцать сыновей и вброд перешел реку Яббок. Он перевел их всех на другой берег, переправил все, что у него было, и остался один. И вот, Некто вступил с ним в схватку— и боролся с ним до самой зари. Увидев, что не может одолеть Иакова, Он ударил его по бедру— так, что кость вышла из сустава, — и сказал Иакову:

— Отпусти меня. Уже заря.

(Быт 32:22-26)

Как и положено ночному демону, противник Иакова должен скрыться с восходом солнца, но то был не ночной демон, а Сам Бог. Иаков выдержал испытание и становится новым человеком: ему дано новое имя Израиль, которое объясняется через игру слов как «Он борется с Богом».

Опять-же: насколько близок к этому эпизоду аналогичный рассказ про Моисея! Моисею тоже Бог велит вернуться к своим. Если Иакову предназначено стать плотским прародителем Израиля, то Моисею — стать духовным наставником Израиля. И, однако же, —

На пути, на ночной стоянке, Яхве встретился с ним и хотел убить его. Тогда Циппора взяла каменный нож, отсекла своему сыну крайнюю плоть и коснувшись его ног, сказала:

— Ты у меня жених крови.

И Яхве отступил от него.

(Исх 4:24-26)

В обоих случаях перед нами отголоски каких-то древних rites de passage — что-то вроде инициации, сопровождавшей вступление в возраст полной зрелости. Только пройдя это испытание, герои становятся достойны своей миссии. В обоих случаях встречи происходят на пути — причем именно на пути в Землю Обетованную. В обоих случаях перед нами какая-то архаическая, хочется сказать — демоническая сторона божества. В обоих случаях время действия — ночь. В обоих случаях, непостижимым образом, Бог нападает на своего избранника — и в обоих случаях отступает, опасность миновала.

Круг завершен. Мы с Иаковом обратно в Ханаане. Исполнилось то, что было предначертано уже самым началом нашего рассказа. И почти все, с чем мы встречались на пути — типовые сцены, мотивы, перекликающиеся с другими историями ветхозаветного канона. Источник, у которого происходит встреча Иакова и Рахили, — самый яркий, но далеко не единственный пример такой типовой сцены.

До сих пор, однако, проводя аналогии и сопоставления, мы ограничивались рассказами о патриархах и о древнем Израиле. Но, рассматривая встречи у источника — не должны ли мы вернуться к самому началу?

Когда Господь Бог создал землю и небо, то не было на земле ни куста, ни травинки. Ведь Господь Бог не посылал еще на землю дождя и не было людей, чтобы ее возделывать. Лишь поток, что поднимался из недр, орошал землю. И создал Господь Бог человека из пыли земной, вдохнул в его ноздри дыхание жизни и человек ожил. В Эдеме, на востоке, Господь Бог насадил сад и поселил в нем человека, которого создал. Господь Бог вырастил там всевозможные

деревья, приятные взору и с хорошими плодами, и дерево жизни, посреди сада, и дерево познания добра и зла.

Из Эдема вытекает река; она орошает сад, а далее разделяется на четыре рукава. Один из них называется Пишон, он огибает страну Хавила, где есть золото (хорошее золото в той стране, есть там и благовонная смола, и драгоценный камень шохам). Вторая река называется Гихон и огибает страну Куш. Третья река называется Тигр, она течет к востоку от Ашишур. Четвертая река — Евфрат...

И Господь Бог сказал:

— Плохо человеку быть одному. Сотворю-ка Я для него помощника, ему под стать.

Господь Бог погрузил человека в глубокий сон и вынул у него ребро, а место, где оно было, закрыл плотью. Из ребра Господь Бог создал женщину, привел ее к человеку и человек сказал:

— Вот она, кость от кости моей, плоть от плоти моей.

Женщиной будет зваться она, потому что из мужчины взята.

(Быт 2:4-22)

Разве не видны в этом рассказе уже не раз встречавшиеся нам топосы? Человек — Адам, — извлеченный из своего материнского лона — земли (адама) — перенесен на Восток. Там — источник, и на фоне этого источника происходит первая встреча первого человека с первой женщиной. Этот источник — не колодец и не ручей, а целая река, разделяющаяся на четыре рукава, соответственно четырем сторонам света. Иными словами — река, напоющая весь мир. Ведь и женщина, которой суждено появиться на свет на фоне этой реки — мать всего живого: *Человек — Адам — дал своей жене имя Ева — Жизнь, ибо она стала праматерью всех живущих.*

Опять та же ассоциативная связь: вода — жизнь — женщина — встреча.

Вполне естественно, что повторяющиеся сцены должны иметь некий архетип, и что этот архетип должен быть локализован в самой глубокой древности — в начале начал. Первая женщина с первым мужчиной на фоне первого источника.

Но я рискну предположить, что сходство Эдемской истории с рассказом про Иакова и Ревекку простирается и дальше. Разве не тождественны друг другу

структурно кража семейных божков Ревеккой и кража запретного плода Евой? В обоих случаях речь идет о каких-то предметах не вполне ясного назначения, но — обладающих некими волшебными свойствами. Запретный плод дает знание, семейные божки — вероятно — удачу. В обоих случаях активна женщина, мужчина пассивен — Адам просто берет то, что ему протягивает жена, а Иаков вообще не знает, что Рахиль украла у Лавана семейных божков. В обоих случаях женщина бросает вызов верховной власти — своего отца в случае Рахили, своего Творца в случае Евы — и делает это (по крайней мере так ей кажется) для блага семьи.

Впрочем, в этом отношении наши героини отнюдь не одиноки. Еврейская Библия, в особенности книга Бытия, представляют нам удивительную галерею женских образов: это женщины решительные, инициативные (как правило решительнее и инициативнее мужчин), знающие, чего хотят и добивающиеся своего (обычно — посредством обмана тех, кто облечен властью над ними). Рассказчик не дает их действиям моральной оценки, хотя, как кажется — поскольку их действия направлены на благо рода — скорее одобряет.

Такова, наряду с Рахилью и Евой, Ревекка, обманывающая Исаака, с тем, чтобы отцовское благословение досталось Иакову, а не Исаву (рассказчик и его аудитория, как потомки Иакова, естественно должны были считать, что это обман во благо). Такова Фамарь, обманывающая Иуду, чтобы произвести от него потомство (опять-же, рассказчик и его аудитория — скорее всего иудеи, то есть потомки Иуды от Фамари, — не могли не считать этот обман провиденциальным благом для себя). Таковы дочери Лота, чей поступок очень напоминает поступок Фамари. Такова Михаль, обманывающая отца, чтобы спасти мужа, Авигайль, которая тайком от мужа вступает в переговоры с Давидом и тем спасает свою семью. Это некий топос, схема, и поступок Евы вполне укладывается в эту схему.

Конечно же, сказанное не означает, что понимание эденской истории как грехопадения следует считать какой-то позднейшей интерпретацией. Отнюдь! Мотив нарушения Божьей заповеди божьими избранниками и неминуемой расплаты за это тоже пронизывает собой весь Ветхий Завет. Об этом постоянно говорится в пророческих текстах, во Второзаконии, в т. н. “девторономической истории” (от книги Иисуса Навина до книг Царств). Израиль нарушил завет с Богом и за это был изгнан из своей страны — такова мораль Второзакония и

“девтерономической истории”. Изгнание из рая — с точки зрения историков и пророков послевоенной эпохи — прообраз того, что случилось с Израилем.

Но мы не должны забывать, что рассказ об Эдемском саде — текст поэтический, в котором, как в музыкальном произведении или в сновидении, могут быть сплетены друг с другом несколько разнородных и даже противоречивых мотивов. С одной стороны — мотив расплаты за отступничество, с другой — топос встречи у источника, а с третьей — стереотипный образ волевой и инициативной женщины, который здесь странным образом сочетается с — также распространенным в ветхозаветной литературе — образом женщины, как источника зла. Воистину, все как в сновидении, где разные мотивы мешаются друг с другом — и в то же время четко различимы, вычленимы.

Пребывание на чужбине Иакова и Моисея завершается возвращением — возвращением туда, где герой должен стать родоначальником нового народа. И в обоих случаях в ходе возвращения вдруг появляется фигура — ангела? Бога? демона? — несущего угрозу. Но смерть минует.

Не такова ли, однако, и развязка эдемской истории — герой возвращается туда, откуда был взят. Не тень ли ангела, стоящего на страже Эдема, мелькает в повествовании о борьбе Иакова с Ангелом и о ночном нападении на Моисея по пути обратно?

И Господь Бог изгнал человека из Эдемского сада — пусть возделывает землю, из которой был взят. Изгнал человека, а у Эдемского сада, на востоке, поставил стражу — херувимов и огненный меч, во все стороны разящий, чтобы они охраняли дорогу к дереву жизни.

(Быт 3:23-24)

На эти вопросы не может быть однозначного ответа. Эти ассоциации - как ассонансы в еврейской поэзии: нет четких рифм, нет столь регулярных аллитераций, как в древнегерманском стихе... Время от времени уху явственно слышатся переключки звуков, но не всегда можно определить, действительно ли то было намерение автора — или оно так получилось само, или вообще только послышалось.

Однако не слышать этих ассонансов, не видеть этих ассоциаций нельзя — теряется музыка повествования.

